

Акстиния А

Чертежи для урагана

АКСТИНИЯ А

Чертежи для урагана

«Автор»

2026

А А.

Чертежи для урагана / А. А — «Автор», 2026

Вика верила: свобода — это когда ты никому не нужен. Сбежав от токсичного прошлого, она случайно забрела в стерильный бункер CEO Kang Holdings. Кан Дохён был идеальной машиной для прибыли. Вика стала его сбоем в матрице. Утром она украла его кашемировое худи, розовую заколку-крабика и... сбежала. Три года спустя Вика переводит инструкции к мультиваркам и растит близнецов, которые считают брокколи ядом для акул. Но математика точна. Когда на Пхукете мальчишка тычет пальцем в грудь миллиардера: «Дядя, а ДНК — это как Лего?», его мир рушится. Он не отберет детей через суд. Он скупит аэропорты, логистические компании и приюты для собак, лишь бы доказать: её липкий хаос — единственное, ради чего стоит жить. Ироничный и уютный ромком о том, как укротить акулу бизнеса с помощью пластилина и овсяного супа.

Содержание

ПРОЛОГ. Архитектура случайности	5
ГЛАВА 1. Сбой в системе координат	7
ГЛАВА 2. Музей хаоса и тропическая ловушка	12
ГЛАВА 3. Тактика выжженной земли	17
ГЛАВА 4. Спрятаться на виду	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Акстиния А

Чертежи для урагана

ПРОЛОГ. Архитектура случайности

Вика

Говорят, жизнь — это уравнение. Если ты достаточно умён, усерден и осторожен, ты можешь просчитать каждый шаг, застраховать каждый риск и построить крепость, в которую не проникнет ни одна случайность.

Какая горькая, смешная иллюзия.

Прямо сейчас я сижу на полу ванной комнаты, площадь которой превышает размер моей первой съёмной квартиры. Под ладонями — холодный, безупречно отполированный мрамор цвета слоновой кости с прожилками горького шоколада. Он настолько идеально гладкий, что в нём отражается моя искажённая фигура, словно в кривом зеркале ярмарочного балагана.

Я смотрю на своё отражение и не узнаю себя. Растрёпанный пучок тёмных волос, из которого выбились пряди и прилипли к вискам. Зелёные глаза с россыпью веснушек на носу — моих вечных врагов, которых я безуспешно пытаюсь замазать консилером вот уже пять лет. Футболка цвета пыльной розы с пятном от яблочного пюре на плече. И живот — округлый, мягкий, живой — который я инстинктивно прикрываю ладонью.

В дрожащей руке я сжимаю пластиковую палочку. Две ярко-розовые полоски.

Третья беременность.

За тяжёлой дубовой дверью, обитой звукоизоляцией, способной заглушить взрыв, творится моя личная вселенная. Я слышу каждый звук, и каждый из них — это маленький кусочек моего сердца, бьющийся отдельно от меня.

— Марк, это не еда! Это хайлайтер! — голос Льва звенит от отчаяния и прокурорской убеждённости. — Сэр, выплюнь! Белым собакам нельзя есть блёстки, ты будешь светиться в темноте, и нас найдут инопланетяне!

Гав! — отвечает Сэр. Белоснежный самоед, двадцать пять килограммов хаоса, который прямо сейчас, вероятно, пережевывает мою палетку от Fenty Beauty или деталь от Lego.

В нашей семье граница между элитной косметикой и конструктором стёрлась. Оба предмета стоят неприлично дорого, оба вызывают нервный тик, и оба рано или поздно оказываются в пасти собаки.

А под самой дверью, судя по тихому шуршанию кашемира, кто-то стоит на коленях.

— Вика, — голос за дверью звучит низко, вибрируя через дерево и мрамор, проникая прямо в грудную клетку, заставляя сердце биться чаще. — Пожалуйста, открой. Я уже уволил того идиота-заказчика, который не заплатил тебе за перевод. Я купил его логистическую компанию, вывел активы и подарил его офисную мебель приюту для хомяков. Выходи. Стань моей женой. Ну пожалуйста.

Я закрываю глаза, и по щеке скатывается слеза. Не от страха. От того, насколько абсурдна эта реальность.

— Кан Дохён, ты не можешь разрушать империи, чтобы сводить счета с моими должниками! — кричу я, и голос мой срывается.

— Могу! — в его тоне слышится искреннее, почти детское возмущение. — Я миллиардер, Вика. Это моя суперспособность. Открой дверь. Сэр съел твой хайлайтер, Марк требует, чтобы я сделал ему макияж, потому что «папа светится, как единорог», а Лев пытается продать мне идею о том, что брокколи — это яд для акул. Я не справляюсь. Мне нужна моя жена.

Я смотрю на своё отражение. На растяжки на животе — серебристые полосы, похожие на молнии, застывшие на коже. Этот упрямый, сломленный, прекрасный мужчина целует их каждое утро, словно это шрамы от пулевых ранений, полученные в боях за нашу семью.

Если бы три года назад мне сказали, что мой побег от самой себя закончится вот так — я бы не поверила. Потому что тогда я бежала не к нему. Я бежала от мира, который пытался меня сломать, и пряталась в иллюзии своей независимости. Я думала, что свобода — это когда ты никому не нужен.

Я ошибалась. Свобода — это когда ты можешь позволить себе быть уязвимым и знать, что тебя не ударят в открытую спину.

Хотите узнать, как обычная девушка, которая панически боялась потерять контроль, умудрилась ворваться в стерильный бункер самого могущественного человека Сеула и разбить его идеальную систему координат?

Пристегните ремни. Мы будем говорить о том, как страшно впускать кого-то в свою голову. И о том, что некоторые ошибки в матрице — это единственное, что делает нас живыми.

ГЛАВА 1. Сбой в системе координат

Часть 1. Вика. Иллюзия невидимости

Шестнадцать часов в небе — это не просто перелёт. Это состояние анабиоза, когда ты уже не принадлежишь месту, из которого улетел, но ещё не стал частью того, куда летишь. Ты — просто тело в металлической трубе, зависшее над океаном.

Я прилипла к холодному иллюминатору Boeing 777, глядя, как под крылом разворачивается ночной Сеул. Двадцать пять миллионов человек. Гигантская светящаяся микросхема, где каждый узел — это чья-то надежда, чья-то ложь, чьё-то одиночество. Река Ханган извивалась чёрной лентой, разрезая город надвое, и мосты горели над ней, как нити расплавленного золота.

Я среди них — маленькая, никому не нужная переменная. И это было именно то, чего я жаждала больше всего на свете.

Мне двадцать пять. У меня есть диплом корейской филологии, который я получила, чтобы доказать родителям, что я «серьёзный человек», и кредитная карта с лимитом, который лучше не обсуждать.

Я высокая — метр семьдесят два, с фигурой, которую мама называет «песочные часы, которые забыли про спортзал». Длинные тёмные волосы, которые вечно выбиваются из любой причёски и живут своей жизнью. Зелёные глаза с длинными ресницами — моё единственное достоинство, как говорила бабушка. И россыпь веснушек на носу и скулах, которые я ненавижу с подросткового возраста.

Сейчас на мне джинсы-бойфренды, белая футболка оверсайз и кардиган цвета пыльной розы, который я купила на распродаже. На ногах — белые кеды, потёртые на носках. На шее — тонкая серебряная цепочка с крошечным кулоном в виде буквы «В». Мой талисман. Моя броня.

Я лечу в детском вагоне экспресса AREX из аэропорта Инчхон. Знаете, почему? Потому что там, среди нарисованных розовых свинок и плюшевых медведей, нет взрослых. Нет клерков с выгоревшими глазами, нет женщин, оценивающих твою одежду, нет мира, который требует от тебя соответствовать. Там есть только тишина и право быть невидимой.

Вагон пахнет чистотой и детским шампунем. Стены раскрашены в пастельные тона — нежно-розовый, мятный, небесно-голубой. На полу — мягкое покрытие с изображением облаков и воздушных шаров. Сиденья широкие, обитые тканью с принтом зайчиков.

Я устраиваюсь у окна, достаю ноутбук и включаю его. На экране — договор на перевод технической документации для какого-то корейского стартапа, делающего умные кормушки для кошек. Пятьсот долларов. Этого хватит на две недели жизни в хостеле на Чеджу, если питаться рамёном и дышать морским воздухом.

Я приехала на Чеджу не за романтикой. Я приехала туда, чтобы спрятаться. В Москве моя жизнь была похожа на туго натянутую струну: работа переводчиком в корпорации, где слова теряли смысл, превращаясь в сухие цифры контрактов; ожидания семьи; токсичные отношения с мужчиной, который любил не меня, а мою удобность.

Он был старше меня на восемь лет. Управляющий партнёр в юридической фирме. Высокий, с идеальной стрижкой, в костюмах, которые стоили больше, чем моя годовая зарплата. Он говорил мне, что я «слишком эмоциональная», что мне нужно «учиться контролировать себя», что мои амбиции «смешны».

Я сбежала, чтобы наконец почувствовать, где заканчиваются чужие ожидания и начинаюсь я.

На третий день на острове я решила, что имею право на один вечер слабости. Бар «Lunar Tide» висел над океаном, как стеклянная капсула, подвешенная между небом и водой.

Интерьер был в стиле скандинавского минимализма, помноженного на корейскую роскошь. Светлое дерево — выбеленный дуб — покрывало стены и пол. Приглушенный свет падал из бумажных фонарей ручной работы, которые мягко покачивались под потолком, отбрасывая танцующие тени. Живые растения — монстеры, фикусы, папоротники — стояли в бетонных кашпо, создавая ощущение городского сада.

Столики были расставлены так, чтобы каждый гость чувствовал себя уединенным. Темное дерево, гладкое, как шелк. На каждом — маленькая ваза с одним-единственным цветком. Сегодня это была белая орхидея, хрупкая и совершенная.

Официанты двигались бесшумно, как тени, в черных брюках и белых рубашках с безупречными воротничками. Они появлялись и исчезали, словно растворяясь в воздухе.

Я устроилась в углу, за столиком у самого окна, и заказала коктейль «Закат над Ханганом». Бармен, парень с идеальной стрижкой и серьгой в ухе, кивнул и начал что-то колдовать с шейкером.

За окном океан менял цвет каждые несколько минут — от свинцово-серого до глубокого индиго, а луна медленно выползала из-за горизонта, оставляя за собой серебряную дорожку по воде.

Именно тогда рядом материализовался Минджун.

Люди вроде него — это хищники, маскирующиеся под меценатов. Он был невысок — метр семьдесят пять, но компенсировал это идеальной осанкой и уверенностью человека, привыкшего, что мир принадлежит ему.

Ходячий каталог элитной хирургии. Скулы, выточенные по лекалам Микеланджело — слишком острые, слишком симметричные, словно их создал не природа, а скальпель. Нос с идеальным профилем, который явно стоил дороже моей машины (если бы она у меня была). Кожа без единой поры, без единого изъяна — словно фарфор.

На нем был костюм цвета темного шоколада, сшитый по фигуре так, что каждая линия подчеркивала его тело. Белая рубашка растегнута на две пуговицы, открывая загар идеального бронзового оттенка. На запястье — часы Patek Philippe, циферблат которых мерцал, как россыпь бриллиантов.

Улыбка, в которой было слишком много зубов — белоснежных, ровных, словно клавиши рояля. И взгляд, который оценивал меня не как личность, а как ресурс.

— Вы здесь одна? — спросил он на безупречном английском с легким сеульским акцентом.

— Со мной мои экзистенциальные кризисы, — ответила я, не отрываясь от бокала. — Очередь большая.

Пока я отвернулась, чтобы сбросить звонок от бывшего (он все еще пытался объяснить, почему я «неправа, что уехала»), Минджун что-то сказал бармену.

Когда я сделала глоток из нового бокала, мир дал трещину.

Сладко. Тошнотворно, химически сладко. Язык онемел мгновенно, словно его обложили ватой, пропитанной сиропом. Гравитация отключилась. Пол накренился, и океан за окном вдруг оказался подо мной.

Меня опоили.

Эта мысль пришла не как озарение, а как ледяной гвоздь, вбитый в основание черепа. Инстинкт самосохранения, который я годами глушила вежливостью и желанием быть «хорошей девочкой», проснулся и заорал.

— Мне... в туалет, — выдавила я, цепляясь за стол.

— Я провожу, — его рука легла мне на талию. Тяжелая, собственническая. Пальцы сжались слишком крепко.

— НЕ НАДО!

Я рванула к выходу. Коридор отеля превратился в резиновый тоннель. Стены были отделаны темным деревом и зеркалами, в которых мое отражение множилось, искажалось, расплывалось. Огни смазались в неоновые полосы — красные, синие, фиолетовые.

Я бежала, не чувствуя ног, натываясь плечами на стены. В голове билась одна мысль, как сирена: не дай себя поймать. Не дай себя сломать.

Я не помню, как долго бежала. Помню только тяжелую дубовую дверь в конце коридора. Дерево темное, почти черное, с металлическими вставками цвета старой бронзы. Я врезалась в нее плечом, ожидая сопротивления, но она поддалась. С легким, почти издевательским щелчком.

Я ввалилась внутрь и рухнула на прохладный мраморный пол.

Здесь пахло кедром, морской солью и абсолютной, стерильной пустотой. Это был запах человека, который не пускает в свою жизнь никого.

Вилла была огромной. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на океан, который в лунном свете казался расплавленным серебром. Стены — гладкий бетон цвета мокрого асфальта. Пол — черный мрамор с прожилками золота, который отражал лунный свет, создавая иллюзию, что я лежу на звездном небе.

Мебели почти не было. Огромный диван темно-серого цвета, низкий и угловатый. Стеклянный столик с одной-единственной книгой. Торшер с мягким светом, который отбрасывал круг на полу.

Ни фотографий. Ни лишних вещей. Ни следов жизни.

Это был не дом. Это был бункер.

И в ту секунду, теряя сознание, я подумала, что это самый безопасный запах в мире.

Часть 2. Дохён. Анестезия успеха

Четырнадцать часов совета директоров — это место, где душа медленно умирает под гул кондиционеров и шелест финансовых отчетов.

Я сидел во главе стола из черного ореха — длинного, гладкого, как поверхность озера в безветренный день — и слушал, как финансовый директор объясняет, почему падение акций — это «стратегическая коррекция».

Кан Дохён. Тридцать два года. CEO «Kang Holdings».

Я высокий — метр восемьдесят семь, с широкими плечами и телом, которое я поддерживаю в форме не из тщеславия, а из необходимости. Бег каждое утро в пять, силовые тренировки три раза в неделю. Не потому что хочу нравиться женщинам, а потому что контроль над телом — это единственный контроль, который у меня остался.

Лицо, которое журналы называют «лицом корейской мечты». Высокие скулы, острая линия челюсти, темные глаза, которые смотрят на мир с холодной отстраненностью. Черные волосы, которые я стригу каждые две недели у одного и того же мастера в Каннаме.

На мне костюм от Brioni — темно-синий, почти черный, сшитый по моим меркам в Милане. Белая рубашка с идеальными складками. Галстук цвета бордо, заколотый серебряной булавкой. Часы Patek Philippe на запястье — не для понтов, а потому что отец подарил их мне на двадцатипятилетие, и я ношу их, как кандалы.

Когда совет наконец закончился, я не стал прощаться. Я просто встал, застегнул пиджак и вышел.

— Вызывай вертолет, — бросил я Мин-су. — Я на Чеджу.

Моя вилла на утесе была моим бункером от людей. Я купил этот участок три года назад, снес стоявший там старый рыбацкий домик и построил то, что архитекторы называли «шедевром минимализма», а я называл «местом, где меня никто не найдет».

Черный мрамор, панорамные окна, умный дом, который знал мой распорядок дня лучше меня самого. Здесь не было лишних вещей. Здесь не было хаоса. Здесь была только тишина, которая звенела в ушах.

Я вошел в дом, сбросил пиджак на спинку дивана и направился в спальню.

Но вместе с приглушенным светом, который умный дом включил автоматически, до моего слуха донесся звук.

Шум воды. В моей личной ванной.

Я замер. Моя система безопасности стоила дороже, чем этот дом. Сюда не мог попасть никто.

Я толкнул тяжелую стеклянную дверь. Матовое стекло с гравировкой волн мягко рассеивало свет, создавая иллюзию, что я вхожу в облако.

И мой безупречно выстроенный мир дал трещину.

На мраморном полу лежала девушка. Мокрая, дрожащая, в прилипшем к телу летнем платье цвета морской волны. Волосы — темные, длинные, мокрые — прилипли к щекам. Кожа горела неестественным, лихорадочным румянцем.

В руке она судорожно сжимала мою запасную зубную щетку, словно это было единственное оружие во вселенной.

— Кто вы? — мой голос звучал тихо, но в нем было столько стали, что обычно люди начинали заикаться. — Как вы сюда попали?

Она моргнула. Медленно, как сова, которую разбудили днем. Её зрачки были расширены до предела, занимая почти всю радужку. Зеленые глаза с длинными ресницами, в которых плескался страх и что-то еще — что-то отчаянное.

Она посмотрела на меня не со страхом. Она посмотрела на меня так, будто я был миражом.

— Ты опоздал, — выдохнула она на русском.

Я знал русский. Достаточно, чтобы понимать бизнес-партнеров. Но эта фраза... Она прозвучала не как обвинение. Она прозвучала как молитва.

Вещество в её крови срывало все защитные барьеры. Я видел это по дрожи в её руках, по тому, как она не могла сфокусировать взгляд. Она искала спасения от жара, который сжигал её изнутри. От мира, который пытался её сломать.

А я, в своей черной рубашке, с ледяным выражением лица, оказался тем самым льдом.

Я должен был вызвать полицию. Я достал телефон. Логика кричала: угроза, вторжение, протокол.

И в этот момент она сделала шаг вперед. Один, неуверенный шаг, и её ладонь легла мне на грудь. Прямо на сердце.

Её рука была горячее, влажной, дрожащей. Пальцы тонкие, с коротко остриженными ногтями, без лака. На безымянном пальце — крошечное кольцо с бирюзой.

— Холодный, — прошептала она, и её пальцы зарылись в мои волосы.

Логика сгорела дотла.

Все мои правила, все мои границы, вся моя стерильная жизнь, которую я выстраивал годами, чтобы не чувствовать боли, рассыпались в прах от одного этого прикосновения. В её уязвимости было больше силы, чем во всех моих миллиардах на счетах.

Она не хотела моих денег. Она не хотела моей власти. Ей просто нужно было, чтобы её кто-то удержал, пока мир рушится.

Я уронил телефон. Экран треснул.

Я обнял её. И это был ураган, который влетел в мое стерильное убежище и навсегда изменил его архитектуру. Впервые за тридцать два года я почувствовал, что живу.

Часть 3. Вика. Утро после конца света

Мое утро началось с ощущения, что внутри черепной коробки поселился кузнечный оркестр, и дирижер требует биса.

Я открыла глаза. Над головой был потолок из черного дерева с встроенной подсветкой, которая мягко пульсировала в такт моему пульсу. Не мой потолок.

Я повернула голову. Рядом, на смятых простынях из черного шелка, спал ОН.

Скулы. Ресницы. Плечи, которые, кажется, занимали половину кровати. И абсолютно голая спина, покрытая легкой тенью от волос.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд. Даже во сне его лицо было напряженным, словно он решал какую-то сложную задачу. Темные брови чуть сдвинуты. Губы сжаты в тонкую линию.

Воспоминания обрушились не просто плитой, а целым зданием.

Бар. Минджун. Сладкий яд. Бегство. Дверь. «Ты опоздал».

О боже. Я, Виктория Смирнова, девушка, которая панически боялась потерять контроль над собственной жизнью, провела ночь с незнакомцем в чужом бункере!

Я смотрела на его спину. На то, как ровно он дышит. На часы Patek Philippe, которые валялись на тумбочке рядом с моим дешевым браслетом из бисера.

Я знала, кто такие люди вроде него. Это были люди, которые решали вопросы деньгами и юристами. Для них такая ночь была либо развлечением, либо ошибкой, которую нужно замести под ковер. А я была той самой пылью.

Если я останусь, он посмотрит на меня трезвыми глазами и увидит проблему. Угрозу его стерильному миру. Он предложит денег, чтобы я исчезла. И это унизит меня больше, чем любое предательство.

Я не могла позволить ему меня оценить. Я не могла позволить ему превратить мою уязвимость в транзакцию.

Я выбрала побег.

Я оделась, стараясь не шуметь. У зеркала остановилась. На шее красовалось пятно, которое трудно было списать на укус комара.

На спинке кресла висело его худи. Черное, кашемировое, невероятно мягкое на ощупь. Оно стоило, наверное, как моя годовая зарплата. Я натянула его на себя. Оно пахло им — кедром и морской солью. И было таким огромным, что я могла бы спрятаться в нем от всего мира.

На тумбочке лежала моя заколка. Розовый пластиковый крабик с блестками. Я потеряла её еще в баре. Он... он её подобрал?

Я сунула крабика в карман худи. Контрибуция за моральный ущерб. И напоминание о том, что даже в идеальных системах бывают сбои.

Я вызвала сбой сканера умного дома и выскользнула на улицу.

Я плакала в самолете. От страха, от стыда, от того, что мое желание свободы обернулось таким хаосом.

Но где-то глубоко внутри, под слоями паники, жила одна маленькая, предательская мысль.

Я помнила, как он обнимал меня. Как его руки, такие сильные и такие осторожные, держали меня, когда я дрожала. Он не пытался меня взять. Он пытался меня сохранить.

Я не знала только одного. Что он тоже не спал.

И что человек, который привык контролировать весь мир, только что понял, что не может контролировать свое сердце. И он уже начал меня искать.

ГЛАВА 2. Музей хаоса и тропическая ловушка

Часть 1. Вика. Москва. Ноябрь.

Мой будильник не умеет играть джаз. У него нет мягкого нарастающего света, имитирующего рассвет, и он точно не знает мелодий из фильмов Вуди Аллена. Мой будильник весит пятнадцать килограммов (каждый), пахнет молочным печеньем, ванильным шампунем и требует немедленного признания его верховным правителем планеты Земля.

— Мам. Кот застрял в холодильнике.

Над моим лицом нависает Лев. Его светлые волосы торчат во все стороны, как у маленького Эйнштейна, который всю ночь решал теорему относительности. Под глазами залегли тени — видимо, от ночных размышлений о несправедливости мира, где коты не имеют права спать в морозилке. У него мой нос — маленький, с веснушками, которые уже проступают даже в ноябре. И его глаза — зеленые, с тем самым прищуром, от которого у меня каждый раз сжимается сердце.

Я открываю один глаз. Второй открывать опасно — туда может попасть деталь от Лего, которую Марк разбрасывает по квартире с методичностью серийного убийцы.

— Лев, солнышко, — хриплю я, пытаюсь сесть. Мои мышцы протестуют. Три года материнства превратили мое тело в карту боевых действий: растяжки на животе, темные круги под глазами, руки, которые стали сильнее, чем у любого штангиста, потому что таскать двоих детей одновременно — это олимпийский вид спорта. — Коты не застревают в холодильниках. Они туда не влезают.

— Этот влез. Он хотел стать мороженым.

Я сажусь на кровати и смотрю на свою крепость. Съемная двушка в спальном районе Москвы, на окраине, где дома похожи на серые бетонные коробки, поставленные друг на друга уставшим архитектором. За окном — ноябрь. Голые березы качаются на ветру, их черные ветви царапают свинцовое небо. Снег еще не выпал, но воздух уже пахнет зимой — морозом, угольным дымом и сыростью.

Здесь пахнет ванильным детским шампунем, пригоревшей овсянкой (я опять отвлеклась на перевод) и безусловной любовью, которая заполняет каждый кубический сантиметр пространства. Стены мы покрасили сами — светло-голубым, потому что Лев сказал, что это цвет неба, а Марк добавил, что это цвет океана. На стенах — рисунки близнецов: кривые дома, солнце с лицом, собаки с шестью ногами. Это не дом с обложки журнала. Это крепость.

На кухне Марк уже устроил диверсию: он построил башню из подушек и пытается водрузить на вершину плюшевого крокодила по имени Бублик. Марк — моя копия: темные волосы, веснушки, упрямый подбородок. Он хмурится, и между бровями появляется складка — точь-в-точь как у него.

Лев тем временем открыл холодильник и обнаружил там кота. Не нашего — у нас нет кота. Соседского. Рыжего, наглого и абсолютно довольного жизнью среди банок с детским питанием.

— Кш! — говорю я коту. — Это не твой дом.

— Он сказал, что он теперь наш, — серьезно сообщает Марк. — Он сказал, что у нас пахнет колбасой.

Я вздыхаю и начинаю жонглировать сковородками. Овсянка, бананы, молоко. Завтрак чемпионов по выживанию. Мои руки двигаются на автопилоте, пока голова пытается просчитать бюджет на месяц: аренда, детский сад, еда, коммуналка. Фриланс приносит копейки, но я гордая. Я сама. Я справляюсь.

Пока я помешиваю кашу, звонит телефон. Аня. Моя лучшая подруга, которая осталась в Москве и работала в офисе, где пахло тоской и принтером.

— Вииника! — орёт она в трубку так, что у меня закладывает ухо. — Ты не поверишь!

— Аня, у меня кот в холодильнике, один близнец строит башню, второй кормит кота колбасой. Во что я должна не поверить?

— Ты выиграла грант! Семейный тур на Пхукет! Две недели, всё включено, перелёт, отель, завтраки!

Я замираю с ложкой в руке. Овсянка медленно сползает обратно в кастрюлю.

— Аня, я не участвовала ни в каких конкурсах.

— Участвовала! Помнишь, полгода назад ты заполняла анкету на сайте того туристического агентства? Ты ещё сказала, что это развод, но заполнила, потому что там была галочка «я согласна на обработку персональных данных», а ты всегда ставишь галочки, даже если не читаешь!

— И что?

— И они разыграли среди всех, кто поставил галочку! Вика, это судьба! Это знак! Тебе нужен отдых! Детям нужно море!

Я смотрю в окно. За стеклом — серое московское небо, голые деревья, лужи, в которых отражаются огни фонарей. А где-то далеко — океан. Пальмы. Солнце.

Море. Пхукет. Океан.

Я не позволяла себе думать об этом три года. Я не гуглила его имя. Я не смотрела корейские новости. Я вычеркнула ту ночь из памяти, как вычёркивают ошибку в коде — быстро, решительно и с надеждой, что никто не заметит.

Но мне некуда деться от его лица в собственном доме.

Когда Марк хмурится, я вижу эту упрямую складку между бровями. Когда Лев задумывается, он чуть прищуривается — точно так же, как он. Когда они смеются, у них появляются те же ямочки на щеках.

Марк и Лев — это два маленьких зеркала, в которых отражается тот самый мужчина из пентхауса. Каждое утро я просыпаюсь и вижу его. Каждый вечер я укладываю его спать.

— Мам? — Лев дёргает меня за рукав. — Ты опять задумалась про грустного дядю?

Я вздрагиваю.

— Какого дядю, солнышко?

— Того, у которого мы взяли чертежи. Помнишь? Он был грустный. Мы должны вернуть ему чертежи.

Моё сердце сжимается. Дети не помнят его лица — они были слишком маленькие. Но они помнят что-то. Может быть, запах кедра и морской соли. Может быть, ощущение безопасности. Может быть, просто интуитивное знание, что где-то есть человек, который является их частью.

— Полетим, малыши, — шепчу я, обнимая их обоих. Они пахнут молоком и детством. — Мы полетим к слонам.

Потому что я не могу вечно прятаться от собственного прошлого. И потому что мне действительно нужен отдых. Хотя бы две недели, чтобы не думать о дедлайнах, не переводить инструкции к мультиваркам в три часа ночи и не бояться, что завтра меня выселят из этой квартиры.

Я не знаю, что меня ждёт на Пхукете. Но я знаю одно: я больше не одна. У меня есть два маленьких урагана, которые защитят меня от любого шторма.

Даже от того, который я сама создала три года назад.

Часть 2. Дохён. Пхукет. Январь.

Богатые люди не отдыхают. Они просто меняют географическую локацию для своих неврозов.

Я сидел на террасе отеля «The Shore» на Пхукете и смотрел, как Андаманское море меняет цвет с бирюзового на изумрудный. Воздух был густым, влажным, пах солью, тропиче-

скими цветами и солнцезащитным кремом. Где-то вдалеке кричали обезьяны, а над головой проносились яркие птицы — красные, синие, желтые, как ожившие драгоценные камни.

Рядом, за столиком, восседала Юна. Моя... бывшая невеста.

Точнее, уже бывшая. Я расторг помолвку сегодня утром, пока она спала. Не было скандала, не было слёз, не было долгих объяснений. Просто записка на тумбочке: «Извини, это не сработает. Счёт за отель оплачен».

Юна проснулась, прочитала записку и устроила истерику, достойную оscarовской номинации. Она кричала, что я разрушаю многомиллиардное слияние наших семей. Что мой отец будет в ярости. Что её отец подаст в суд. Что я эгоист и нарцисс.

Она была права. По всем пунктам.

Но мне было плевать.

Юна была идеальной невестой. Дочь председателя крупного конгломерата. Красивая — высокие скулы, безупречная кожа, длинные черные волосы, уложенные так, что ни один волосок не выбивался из прически. Умная, безупречно воспитанная. Она знала, как вести себя на приёмах, как улыбаться камерам, как молчать, когда нужно молчать.

Она была пустой.

И я знал это с самого начала. Но три года назад, после той ночи на Чеджу, я решил, что пустота — это нормально. Что все женщины пустые. Что любовь — это миф, придуманный сценаристами дорам, чтобы продавать рекламу.

Я ошибался.

Но признать это означало бы признать, что я потерял что-то важное. А я не теряю. Я выигрываю. Всегда.

Слияние капиталов мне не нужно. Мне нужна была ясность. А ясность приходила ко мне только в одном месте — здесь, у океана, где не было людей, которые хотят от меня чего-то.

— Дохён, — Юна подошла ко мне, её голос звенел от сдерживаемой ярости. На ней было белое льняное платье, которое стоило больше, чем годовая зарплата моего водителя. — Ты не можешь просто так уйти. Мы должны хотя бы сделать вид, что всё в порядке. Ради родителей.

— Ради родителей ты можешь выйти замуж за Мин-су, — ответил я, не отрываясь от океана. — Он отличный парень. Зарабатывает меньше меня, но зато у него есть душа.

— Ты... — она запнулась, не найдя слов. — Ты чудовище.

— Возможно, — согласился я. — Но зато я честное чудовище.

Она ушла, хлопнув дверью так, что официант вздрогнул и чуть не выронил поднос.

Я остался один.

И именно в этот момент моя стерильная вселенная дала сбой.

Я вышел к главному бассейну отеля. Здесь былолюдно: семьи с детьми, пары, пенсионеры из Европы. Пальмы качались на ветру, их листья шелестели, как шепот. В воде плавали розовые лепестки франжипани — кто-то устроил свадебную церемонию. Воздух пах хлоркой, тропическими цветами и детским кремом от загара.

Я нашёл свободный шезлонг в VIP-зоне, заказал воду с лимоном и закрыл глаза, пытаюсь избавиться от шума.

Но шум не исчезал. Наоборот, он становился громче.

— Нет! Нет! Нет! Это не еда! Это крем!

Я открыл глаза.

Там, у бортика бассейна, какая-то женщина в изумрудном купальнике и нелепой соломенной шляпе с полями размером с зонтик отчаянно жестикулировала, пытаюсь отобрать у двух маленьких мальчиков огромную бутылку солнцезащитного крема.

— Марк, прекрати! Лев, отпусти! Это SPF 50, а не сок!

Один из мальчишек — светловолосый, с абсолютно серьезным лицом — выдавливал крем прямо в бирюзовую воду, наблюдая, как белые капли расплываются по поверхности. Вто-

рой — точная копия первого, только с более хитрым прищуром — пытался намазать кремом спину ничего не подозревающего туриста, который лежал на соседнем шезлонге.

— Дети, это не игрушка! — женщина схватила бутылку, но мальчишки оказались быстрее. Они рванули в разные стороны, как два маленьких вихря.

Женщина бросилась за ними, поскользнулась на мокрой плитке и чуть не упала, но удержалась на ногах каким-то чудом.

И тут она резко повернула голову, чтобы позвать детей.

Её огромные солнцезащитные очки скользнули по VIP-зоне и остановились на мне.

Мое сердце, привыкшее работать как швейцарские часы, пропустило удар. А потом ещё один. И ещё.

Потому что даже в этих нелепых очках, даже в этой дурацкой шляпе, даже с мокрыми волосами и красными от солнца щеками — я узнал этот подбородок.

Этот упрямый подбородок, который я целовал три года назад.

Эти губы, которые шептали мне на русском языке что-то, чего я не понял, но запомнил навсегда.

Эти глаза, которые смотрели на меня так, будто я был её спасением.

Мой мозг работал как перегретый сервер, обрабатывая данные с невероятной скоростью.

Три года назад. Остров Чеджу. Та ночь.

Девять месяцев беременности. Плюс-минус месяц.

Два ребенка. Близнецы. Мальчики.

Светлые волосы. Зеленые глаза.

Мои гены. Мой ДНК.

Математика — наука точная. Она не прощает ошибок.

Она не просто сбежала.

Она украла мое любимое кашемировое худи.

Она украла мою розовую заколку-крабика с блестками.

И, черт возьми, она украла мои гены!

Я встал. Медленно, потому что ноги внезапно стали ватными. Подошёл к бортику бассейна.

Женщина — Вика — стояла ко мне спиной, вытирая полотенцем голову одного из мальчишек. Второй пытался сбежать, но она поймала его за руку.

— Марк, если ты ещё раз попытаешься намазать кремом чужого дядю, я заберу у тебя Бублика!

— Бублик — это крокодил! — возмутился Марк. — Его нельзя забирать!

— Можно! Если ты ведёшь себя как хулиган!

Я остановился в трёх шагах от неё.

— Простите, — сказал я голосом, который обычно использовал для переговоров с конкурентами. Холодным, ровным, не терпящим возражений. — Вы мне дорогу загорживаете.

Она замерла.

Медленно повернулась.

Солнцезащитные очки упали на кончик носа, и я увидел её глаза. Широкие, испуганные, прекрасные.

— У нас по расписанию тихий час, — сказала она голосом, который предательски дрогнул. — Мой муж очень ревнивый.

Ревнивый муж.

Интересно.

Я медленно скрестил руки на груди, чувствуя, как внутри закипает ярость. Не на неё. На себя. За то, что три года не искал её. За то, что поверил в свою пустоту. За то, что чуть не женился на женщине, которая была просто функцией.

— И чем же занимается этот счастливчик? — спросил я, делая шаг ближе.

Она отступила на шаг. Мальчишки замерли, глядя на меня с любопытством.

— Он... укротитель медведей! — выпалила она. — В Сибири. Очень вспыльчивый.

Укротитель медведей.

В Сибири.

Я чуть не рассмеялся. Но смех застрял в горле, потому что один из мальчишек — тот, который был посмелее — подошёл ко мне и ткнул пальцем в грудь.

— Мам, — громко заявил он, указывая на меня. — А что такое ДНК? Этот дядя сказал, что мы украли его ДНК. Это как Лего? Мы можем его вернуть?

Тишина.

Ветер шелестел пальмами. Где-то вдалеке смеялись дети. Океан плескался о бортик бассейна.

А я смотрел на этого маленького человека, который был моей точной копией. Мои глаза. Мой нос. Моя упрямая складка между бровями.

Я медленно опустился на корточки, рискуя своими льняными брюками от Logo Piana, которые стоили больше, чем месячная зарплата среднего менеджера.

— Это не Лего, малыш, — тихо сказал я, глядя ему прямо в глаза. — ДНК — это чертеж. И, похоже, кто-то использовал мои чертежи, чтобы построить два таких... идеальных урагана.

Он нахмурился, обдумывая мои слова.

— Значит, ты наш папа?

Да.

Я выпрямился и посмотрел на Вику. Веселье исчезло с моего лица, уступив место холодной решимости.

— Хватит играть в укротителей, Вика, — сказал я тихо, но так, что она услышала каждое слово. — Я не заберу их у тебя. Но ты больше никуда не сбежишь. Если ты попытаешься улететь, я просто куплю этот аэропорт и отменю все рейсы.

Её лицо побледнело.

— Ты не можешь...

— Могу, — перебил я. — Я Кан Дохён. Я могу всё.

Но внутри у меня было не торжество. Внутри у меня был страх.

Страх, что она снова сбежит.

Страх, что я потеряю их снова.

Страх, что я не смогу быть тем, кто им нужен.

Но я не показал этого. Потому что Кан Дохён не показывает страха.

Кан Дохён действует.

ГЛАВА 3. Тактика выжженной земли

Часть 1. Вика. Ночь перед бурей.

Воздух на Пхукете пах озоном. Тропические ночи здесь всегда казались наэлектризованными — влажными, душными, полными звуков. Где-то кричали ночные птицы, стрекотали цикады, шелестели пальмы. И этой молнией, готовой расколоть небо и мою хрупкую реальность, был Кан Дохён.

После его фразы про покупку аэропорта я схватила близнецов за руки и практически улетела с территории отеля, оставляя за собой шлейф из паники и детского солнцезащитного крема. Марк, болтая ногами, философски заметил, что «дядя с чертежами» выглядит так, будто ему срочно нужно съесть пластилиновую пиццу, иначе он сломается. Лев молчал, но его цепкая ладошка в моей руке говорила о том, что он всё понял без слов. Дети чувствуют фальшь и опасность лучше любых радаров.

Мы заперлись в нашей вилле. Это был маленький домик с соломенной крышей, окружённый тропическими растениями — банановыми пальмами, гибискусом, бугенвиллией с ярко-розовыми цветами. Воздух был густым, влажным, пах жасмином и солью. Где-то в темноте квакали лягушки, а над головой летали светлячки, как крошечные звезды.

Я ходила из угла в угол по прохладному кафельному полу, пока мальчишки строили базу из диванных подушек и пытались накормить плюшевого крокодила Бублика листьями с пальмы в горшке.

Он сказал, что не заберет их. Но люди вроде него не просят — они уведомляют. У них есть армии юристов, которые могут доказать, что мать-одиночка, живущая на переводы инструкций для мультиварок, не способна обеспечить «надлежащий уровень генетического потенциала». Я видела это в кино. Я читала об этом в новостях. Миллиардеры не играют в песочнице, они скупают песок.

К одиннадцати вечера дети уснули. Я села на пол посреди гостиной и начала лихорадочно записывать в чемодан всё, что можно было унести: одежду, паспорта, Бублика и почему-то пачку корейских салфеток, которые я купила в дьюти-фри.

Дверь виллы не взломали. Она просто бесшумно открылась.

На пороге стоял Дохён. В черной рубашке, с расстегнутым воротом, без пиджака. Волосы слегка растрепаны, словно он много раз проводил по ним рукой. Он выглядел не как СЕО, пришедший отбирать активы, а как человек, который очень долго бежал и только что остановился.

— Ты думаешь, я отберу их через суд? — спросил он тихо, делая шаг внутрь. Его взгляд скользнул по чемодану, по моему бледному лицу, по разбросанным игрушкам.

— Я думаю, что у тебя есть невеста, — мой голос предательски дрогнул. — И стерильный дом. И няни, которые носят белые перчатки. А у меня есть Марк, который сегодня пытался постирать кота, и Лев, который считает, что брокколи — это яд для акул. Мы не вписываемся в твои чертежи, Дохён. Мы — грязь на твоём идеальном мраморе.

Он подошел ближе. Так близко, что я почувствовала знакомый, сводящий с ума запах кедра и морской соли. Он поднял руку и аккуратно, почти невесомо убрал прядь волос с моей щеки. От этого жеста у меня подкосились ноги.

— Вика, я три года смотрел на идеальных, пустых женщин и понимал, что меня обманули, — его голос звучал хрипло, словно он признавался в чем-то постыдном. — Моя жизнь была витриной. А ты... ты ворвалась и разбила все стекла. Я не буду забирать их. Я войду в долю.

— В долю? — нервно хмыкнула я. — Как совладельцы ООО «Ураган и Тайфун»?

— Именно, — он чуть улыбнулся, и эта улыбка была такой уязвимой, что мое сердце сделало двойное сальто. — Дай мне шанс узнать своих сыновей. Дай мне шанс узнать тебя. Без судов. Без адвокатов. Просто... позволь мне быть рядом.

Логика и страх сгорели дотла, как только его губы накрыли мои. Это был не тот отчаянный, животный поцелуй трехлетней давности, когда нами управлял адреналин и случайный препарат. Это был поцелуй человека, который нашел свой дом после долгих лет скитаний в космосе.

Мы уснули на узкой кушетке на террасе, сплетясь ногами и руками под шум океана. Воздух был теплым, влажным, пах тропическими цветами. Где-то вдалеке пела ночная птица, а волны бились о берег, как сердцебиение гигантского существа. Я чувствовала себя в абсолютной безопасности.

Но где-то около трех часов ночи меня накрыл ледяной ужас.

Я открыла глаза и посмотрела на его спящее лицо. Идеальные черты. Расслабленная челюсть. Длинные ресницы, отбрасывающие тень на скулы. Он миллиардер. Он проснется, посмотрит на нашу жизнь, на наши долги, на мою усталость, ужаснется и решит «спасти» детей. Заберет их в свой мир стеклянных башен. А мне оставит счет в банке и вежливое «спасибо за сотрудничество».

Страх оказался сильнее, чем зарождающаяся надежда. Я всегда справлялась сама. Я всегда убегала первой, чтобы не дали уйти мне.

Я тихо выскользнула из его объятий. На столе лежала ручка и блокнот отеля. Я написала быстро, стараясь, чтобы рука не дрожала:

«Медведи в Сибири заболели. Не ищи нас. Твое худи я оставила себе. P.S. Чертежи в надежном месте».

Мы с мальчишками уехали в аэропорт на первом же такси. Я смотрела в окно, как удаляются огни Пхукета, и тихо плакала, прижимая к себе спящего Льва.

Прости, Кан Дохён. Но я не умею быть частью чьей-то империи. Я умею быть только крепостью.

Часть 2. Дохён. Океан не прощает.

Я проснулся от того, что солнце светило прямо в глаза, а моя рука обнимала пустоту.

Пустота была холодной. И пахла не ванильным шампунем и океаном, а предательством.

Я сел, резко отбросив плед. Вилла была пуста. Чемоданы исчезли. Игрушки, которые еще вчера валялись по всему полу, были аккуратно сложены в корзину.

На столе лежал блокнот.

Я прочитал записку дважды. Мозг отказывался обрабатывать информацию. «Медведи в Сибири заболели». Какая, черт возьми, Сибирь?! Она опять врала! Она настолько мне не доверяла, что предпочла снова тащить на себе двоих детей, лишь бы не принять мою помощь.

Я сделал шаг назад, и подошва моего итальянского лофера хрустнула. Я опустил глаза. На полу лежала красная пластиковая деталь от Lego. Двойная. Та самая, на которую больно наступать даже в обуви.

Я даже не поморщился. Физическая боль была ничем по сравнению с тем, что творилось внутри. Внутри была дыра. Огромная, зияющая дыра, которая образовалась там, где еще час назад было тепло её кожи.

Она сбежала. Снова. После того, как я открыл ей всё. После того, как я умолял её дать мне шанс. Она настолько мне не доверяла, что предпочла снова тащить на себе двоих детей, скрываться и бояться каждого шороха, лишь бы не принять мою помощь.

Я достал телефон. Экран треснул еще вчера, когда я уронил его, пытаясь поймать Марка, который решил, что бассейн — это гигантская суповая тарелка. Я набрал номер Мин-су.

— Сэр? — голос помощника был сонным, но мгновенно стал собранным, как только он услышал мое дыхание.

— Отменяй мой обратный рейс, — произнес я ледяным тоном, от которого в штаб-квартире Kang Holdings, наверное, начали вянуть фикусы. — И отменяй помолвку. Официально. Пусть юристы подготовят документы о расторжении любых совместных обязательств с семьей председателя Сола.

— Понял, сэр. А что касается Виктории Смирновой?

— Найди её, Мин-су. Нанимай хакеров, бывших агентов разведки, частных детективов с лицензиями и без. Купи спутниковые снимки, взломай базы данных авиакомпаний, отследит транзакции по её карте.

— Сэр, это может занять время...

— У тебя нет времени! — рыкнул я в трубку, чувствуя, как внутри закипает ярость хищника, у которого украли добычу. — Через двадцать четыре часа я хочу знать, где спят мои сыновья. И где женщина, которая носит мое худи.

Я отключился и подошел к панорамному окну. Океан внизу был спокойным, бирюзовым и абсолютно безразличным к моей боли. Солнце только всходило, окрашивая небо в розовые и оранжевые тона. Пальмы качались на ветру, их силуэты чернели на фоне рассвета.

Она думала, что сможет спрятаться. Она думала, что Россия огромная, а мир бесконечен. Она думала, что если будет сидеть тихо и переводить свои дурацкие инструкции, я её не найду.

— Беги, Вика, — прошептал я в стекло, глядя на свое отражение. В моих глазах не было ничего человеческого. Только холодный расчет и одержимость. — Но ты забыла одну вещь.

Я сжал кулак так, что побелели костяшки.

— Я не просто акула. Я — весь океан. И тебе некуда будет вынырнуть, чтобы сделать вдох.

ГЛАВА 4. Спрятаться на виду

Часть 1. Вика. Цифровой камуфляж и пустые коробки

Четыре месяца. Именно столько времени требуется, чтобы адреналин побега выветрился из крови, уступив место прозаичному, липкому ужасу перед счетами за отопление и частный детский сад.

Сеул. Двадцать пять миллионов человек. Гигантский улей из стекла, бетона и неона, который жужжит, не переставая, двадцать четыре часа в сутки. Лучшее место, чтобы спрятаться, — это там, где тебя не ищут. Логика была железной, хоть и парадоксальной: Кан Дохён, человек, который в порыве ярости угрожал купить аэропорт, вряд ли будет лично прочесывать переулки района Мапо-гу в поисках одной уставшей переводчицы. В этой двадцатипятимиллионной агломерации я была просто каплей в океане. Пылинкой. Ошибкой округления.

Наша новая крепость располагалась на пятом этаже старого дома без лифта. Из окна, если очень сильно высунуться и зажмурить один глаз, можно было увидеть кусок реки Ханган. Интерьер квартиры был воплощением стиля «скандинавский минимализм, проигравший в неравной схватке с тайфуном». Светлые стены, которые мы с мальчишками покрасили сами (Лев решил, что валик — это меч джедая, а Марк открыл для себя абстрактный экспрессионизм с помощью баночки с малиновым йогуртом). Потертая икеевская мебель, коврик из «Ашана» и запах, который невозможно подделать — запах ванильного шампуня, пригоревшего лука и безусловной, всепоглощающей любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.